



К. Д. БАЛЬМОНТ с дочерью
Ниней. Редкая фотография.

Бальмонт и... козы

За время существования Тюмени, как утверждают старые газеты, ее посетили две знаменитые особы: в 1837 году — наследник престола сын Николай I Александр, в честь которого улица Благоевещенская была переименована в Царскую, и в 1915 году — «король русских символистов» Константин Бальмонт. Посещение первого прошло помпезно, но вскоре забылось. А вот о имениннике поэте долго говорили и писали...

Все оказалось в нем выходящим за рамки установившихся представлений Внешность: длинные, до плеч пышные рыжие кудри, быстрые зеленоватые глаза, стремительная походка... Манера держаться: появился на сцене, слегка прихрамывая, с цветком в петлице, за кафедрой принял эффектную позу. Особенно вызвала недоумение его декламация стихов. Непривычно он произносил их. Медлительно, с намеренной монотонностью...

Вообще приезд в Тюмень Бальмонта — «толкователя волшебных звуков» — в военную годину кое-кто из сидевших в зале театра Текутьева посчитал неуместным.

«Можно ли говорить сейчас о поэзии, когда на полях сражений льется кровь? — вдруг спросил сам себя поэт и ответил: — Я видел солдат в окопах, суровых французских солдат, и они говорили мне, что когда весной над ними пролетали жаворонки, певшие свои тихие песни людям в окопах было легче. Мне всегда казалось, и теперь кажется, что жаворонки тоже нужны».

Слушали Бальмонта с повышенным вниманием. однако не

переставая удивляться. И стихи и лекцию, которая называлась «Поэзия, как волшебство», он читал по книжечке, своей же, выпущенной накануне.

«Эту небольшую книжечку, — писал позднее в «Русских ведомостях» Владислав Ходасевич, — неоднократно прочитанную автором публично, мене всего можно назвать исследованием о природе поэзии. Она сама должна быть причислена к созданным поэтическим и, написанным в обычной манере бальмонтовских статей, непосредственно более говорит сердцу, нежели уму. Она сама по себе — лирика...»

Как же тюменцы восприняли столичную знаменитость? Исключительно тепло. Конечно, в бурном почитании поэта-символиста преобладала дань моде. Но мода модой, а талант талантом. Бальмонт поднул своим редкостным поэтическим даром, который, кстати, ценили Чехов и Короленко, Горький и Брюсов, Луначарский и многие другие. Живой интерес вызвал поэт у

тюменских гимназистов, семинаристов, молодых рабочих, революционно настроенных. Его «Песни мстителя», стихи «Гимн Огнию», «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...» и другие близки были тем, кто рвался в бой за справедливое общество. Не случайно в 1905 году Бальмонта печатали в своих изданиях большевики — в газете «Новая жизнь», прокламациях.

Константин Дмитриевич никогда не был революционером, но бунтарский дух не давал ему покоя смолоду. В 1887 году за участие в студенческом движении Бальмонта исключают из Московского университета. В последующие годы он ищет свое место в борьбе. И не находит...

К моменту приезда в Тюмень Бальмонт находился на вершине славы. Оказываемые ему почести он принимал как должное. И все-таки Константин Дмитриевич был приятно поражен радушием тюменских поклонников его таланта. Поравился и сам город, в котором он остановился по пути в Омск.

А тюменчане потом часто вспоминали приключившийся тут курьезный эпизод. Афиши с именем Бальмонта, приглашавшие на его лекцию, были приклеены на заплатах и столбах мучным илейстером. И козы, нагих немало бродило по улицам, съели их. Константин Дмитриевич в беседах с друзьями смеялся: «Меня знает вся Россия, а в Тюмени даже козы — отъявленные бальмонтистки!»

Владимир
ЖЕРНОВНИКОВ

ТЮМЕНЬ

Мих. Весел, 1989, 12 июня